АНОМАЛИИ

ГИЛЬЕРМО АРРИАГА

АНОМАЛИИ

Гильермо
Арриага

АНОМАЛИИ

N●Age
2026

УДК 821.134.2(7/8)-31
ББК 84(7Мек)-44
А84

Extrañas

Guillermo Arriaga

Перевод с испанского Фатимы Таутиевой
под редакцией Дарьи Синицыной

Дизайн обложки Марии Касаткиной

Арриага, Гильермо.
А84 Аномалии : [роман] / Гильермо Арриага ; [пер. с исп. Фатимы Таутиевой]. — Санкт-Петербург : Polyandria NoAge, 2026. — 528 с.

ISBN 978-5-6054563-4-6

© 2023, Guillermo Arriaga D. R.
© Таутиева Ф. М., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Поляндрия Ноу Эйдж», 2026

Игнасио Армендарису, моему второму отцу

Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя*.

Фридрих Ницше

Находчивость, которая часто осеняет полоумных и которой люди в здравом уме иногда лишены**.

Уильям Шекспир

Я неуклюж, я не умею важно
Вышагивать пред нимфою распутной.
Я изувечен подлою природой,
Нелепо скроен, не по мерке сшит
И раньше срока вышвырнут на свет
Горбатым, и хромым, и безобразным —
Таким, что на меня собаки лают.
И в мирные бессмысленные дни
Мне не найти другого развлеченья,
Как тень свою разглядывать на солнце
Да распевать о собственном уродстве***.

Уильям Шекспир

Лучший способ удержать заключенного от побега — сделать так, чтобы он никогда не узнал, что находится в тюрьме****.

Федор Достоевский

---

* Приводится в переводе Николая Полилова.

** Приводится в переводе Бориса Пастернака.

*** Приводится в переводе Георгия Бена.

**** Цитата апокрифическая, в действительности Достоевскому не принадлежит.

Реальные исторические события, лежащие в основе этого романа, никогда не происходили.

Англия
1781 год

Я так отчетливо помню события того утра, словно они произошли только что, а не несколько лет назад: в тот день мать приказала служанкам одеть меня в черное; едва рассвело, отец попросил меня поехать с ними, уже в пути я узнал, куда мы направляемся, — в запретное место, куда ни мне, ни моим братьям и сестрам, ни прислуге не было дозволено входить, — на кладбище при замке; я слышал жуткие рассказы кухарок и нянь о призраках, об адских тварях с острыми зубами, подстерегающих среди могил, о блуждающих огоньках, в которых проступали лица умерших, но, сказав об этом, я раздосадовал мать, «вот почему нельзя якшаться с прислугой, они забивают тебе голову чепухой, там похоронены твои предки, их следует чтить», мне тогда было восемь лет, и воспоминания о том дне даже сегодня вызывают гнетущее чувство, мы были одни, поднялись по тропинке на холм, тишину нарушал лишь ветер, срывавший с кустов листву, в тумане начали появляться могилы, я хотел взять мать за руку, чтобы почувствовать, что я в безопасности, но она всегда была верна себе, а точнее, традиции незапамятных времен, поэтому никогда ко мне не прикасалась, ведь это стало бы проявлением слабости, а мы принадлежали к сильному и благородному семейству, мы шли между могилами, на их плитах готическими буквами были высечены имена и даты рождения и смерти, мы подошли

к ограде, отделявшей участок земли, отец открыл тяжелую железную калитку; «Здесь нашли покой те, кто возглавлял нашу семью, только они и никто больше, — пояснил он и указал на истертую временем могильную плиту. — Подойди, — сказал он. — Здесь покоится основатель нашей династии»; на плите едва различимы были «Б», «Р» и «Т» нашей фамилии Бертон и дата 971: под толстым слоем земли покоился мой кровожадный предок, воин – основатель владений, расширившихся за прошедшие века; мы переходили от надгробия к надгробию, перед каждым отец объяснял, кем являлись похороненные здесь мужчины — все патриархи, первенцы, каким был и я, — а в дальнем конце этого некрополя мы остановились у двух глубоких ям, и отец указал на одну из них: «Здесь буду похоронен я»; у меня скрутило живот — я не представлял жизни без него, еще такого молодого и полного сил; потом он указал куда-то в зияющую тьму второй могилы: «А здесь похоронят тебя» — вот так неожиданно я столкнулся с жестокой реальностью своей собственной смерти: я едва распрощался с детством, а родители уже заставили меня осознать конечность жизни; долгие годы после того дня меня преследовал образ беззубой распахнутой пасти, которая поглотит мои останки, чтобы навеки воссоединить меня с другими представителями нашего рода, но муки мои были напрасны — в конце концов та могила оказалась предназначена не мне. Замок, если так можно назвать оставшееся от него нагромождение камней и мха, находился посреди равнины, мои предки возвели его девять веков назад, тогда местные племена только начинали становиться народами; большую часть года эти мрачные земли покрывал туман, и в его белизне замок напоминал севший на мель корабль; из всего этого рассыпающегося сооружения моя семья смогла сберечь тринадцать комнат, объединенных длинным коридором, с темными потолками и сырым воздухом; некоторые стены частично обвалились, в этих местах ничто не защищало внутреннюю часть дома

от снега и дождя; на стенах главной залы висели картины, изображавшие моменты из жизни представителей нашего рода, в детстве меня приводила в ужас та, где огромные собаки пожирали части человеческих тел: ноги, руки, ступни — останки врагов, брошенные потомкам охотничьих псов, попавших в наши земли с римскими легионами; автор картины подчеркнул свирепость животных: они грызли человеческие руки или заглатывали кишки, глаза их были вытаращены; однако не все картины изображали кровавые сцены или разрушение, здесь также были портреты моих предков, объятых ореолом доброжелательности, — какой обман! В большинстве их не было ни добра, ни великодушия; если что-то и отличало мой древний род, так это алчность, мстительность и свирепое присвоение земель, душ и тел, варварство, скрываемое теперь за хорошими манерами и напускной любезностью; с детства мне объясняли про «нас» против «них»: под «нами» следовало понимать принадлежность к сомнительному кругу людей, объединенных туманным понятием «кровные узы» и открытых для посторонних только во избежание вырождения от браков между родственниками, но чужаки, разумеется, должны были происходить из таких же влиятельных родов, как наш; моя семья владела огромным состоянием, даже армия счетоводов не смогла бы точно подсчитать его размер, ни один топограф не смог бы определить точно границы наших земель; мой отец не стал строить более удобный или более роскошный замок, ведь наше фамильное поместье было не просто зданием, а символом: беречь эти развалины означало продолжать легенду о нашей династии, о происхождении от неукротимых воинов, отмеченных Божьей милостью; мы туманили людям разум этой отравой, чтобы они принимали наше покровительство, божественность служила оправданием нашего привилегированного положения, наш произвол мы называли волей Господа, восстававших против нас ждало наказание: больше не было нужды четвертовать их

и бросать останки псам — достаточно просто оставить их без средств к существованию и отправить в изгнание, чтобы лишить достоинства и превратить в нищих; мы являлись наследниками культуры, создаваемой веками, как первенцу мне надлежало придерживаться этих принципов, передаваемых из поколения в поколение; разочаровать отца значило пасть в глазах всех моих безмолвных предков; мое настоящее ваялось в мифических битвах, в захваченных кровью и огнем землях, в обезглавливаниях, в грязи, в лошадях, в копьях, в браках по расчету, в тайных сговорах, я еще не родился, а со мной уже связывались надежды, опасения, предчувствия, как первенец я не только должен был получить графский титул, но и унаследовать владения в тысячи акров, угольные шахты, сотни голов крупного рогатого скота, свиней и овец, управлять судьбами десятков людей: родители научили меня изображать сочувствие к нашим крестьянам и работникам, произносить высокопарные речи, чтобы их впечатлить, дарить им несколько жалких пенни на Рождество, поглаживать их потомство по головам, на которых копошились вши, расхваливать красоту их румяных дочурок с гнилыми зубами, чтобы выглядеть в их глазах неким великодушным покровителем; когда мне исполнилось пятнадцать, отец обязал меня посетить все деревни Эвергрина, назвав это частью моего обучения: «Уже сейчас с тобой должны быть знакомы, иначе не станут уважать; тебе даже не придется выходить из кареты, нужно лишь останавливаться перед домами и приветствовать из окна; тебя будут сопровождать наши всадники, они помогут избежать неприятностей»; мои младшие братья Фрэнк, Стюарт и Ллойд были избавлены от подобного груза ответственности — в будущем они унаследуют деньги, драгоценности, возможно, кое-какие территории; они не будут возглавлять семью, но будут гораздо свободнее меня, так же как и наши предки, не являвшиеся первенцами, а мои сестры Луиза, Хелен и близняшки Этель и Дейзи — тоже бога-

тые наследницы — станут, независимо от их согласия, ценным товаром, который можно обменять на расширение наших владений, укрепление нашей власти, приумножение нашего богатства. В том возрасте подобные бесконечные поездки по нашим землям не казались мне интересными; из практических соображений я начал путь от дома Калверта, нашего дворецкого, — дом был скромным, уютным и светлым не в пример нашему замку: темному, мрачному, с застоявшимся воздухом, которым почти невозможно дышать, какая нелепость — жить в этом каменном хлеву лишь ради утверждения превосходства и преемственности; как-то раз я попросил у матушки разрешения переночевать в доме одного из наших слуг, по вечерам я играл с их сыном, мальчишкой моего возраста, и он простодушно пригласил меня остаться на ночь, чтобы встать утром пораньше, на рассвете, и пойти охотиться на куропаток — он жил на краю залежи, где водилось полно птиц, — и нам это показалось замечательной мыслью, но мать рассердилась: «Кем ты себя считаешь, чтобы опускаться до уровня этих оборванцев? Одно дело — позволить тебе проводить с ними какое-то время, и совсем другое — согласиться на такую пошлость: чтобы ты ложился спать там же, где они; пора бы тебе понять, где твое место, а где — их»; моя мать, неласковая и отстраненная, была достойной дочерью этих дождливых холодных мест, женщины, подобные ей, часто встречались среди английской знати: их объединяло честолюбие, стремление к власти и роскоши, уверенность в своей принадлежности к высшему слою и в праве господствовать над остальными, а также убежденность, что они достойны богатства и могут требовать раболепия, что они должны отстаивать привилегии своего положения, даже ценой собственной выгоды; по рекомендации Питера, управляющего поместьем, я стал отправляться в поездки в закрытой карете, чтобы не забрызгать одежду грязью из-под колес — обычно при путешествиях в колясках или повозках платье легко пачка-